

Файне Александровне Глинской

Д Ж И А Д Э

РОМАН НИ О ЧЕМ

*(ИЗ КНИГИ „ЕГИПЕТСКАЯ
ПРЕДСКАЗАТЕЛЬНИЦА“)*

*„Так поэма, обдуманная в уединении
в летние ночи, при свете луны—печатается
в сальной типографии, продается потом
в книжной лавке и разбирается в журналах
дураками“.*

Пушкин

„Бесконечно трагичен образ этой барышни, порхающей с молодым поручиком в очаровательном танце и не знающей, что ее кавалера всего час как высекли“.

К пониманию Гоголя

1. СВИДАНИЕ и РАЗРЫВ

Не всем известна поэма, весьма романтически названная, автор которой снабдил ее во избежание неясности и кривотолков ценными подстрочными примечаниями, объясняющими отдельные слова в стихах поэмы: „У а й т - р о з а — духи фабрики Аткинсона; А н а н д а — ученик Будды; Т о м с о н — английский физик, автор теории вихревого строения вселенной; Д е в а Р а д у ж н ы х В о р о т — гностический термин Софии Премудрости, встречаемый в стихотворении Владимира Соловьева; А р б а т — улица в Москве; М и н а н г у а — модная московская портниха 90-х годов“.

Подобный прием мог бы быть использован.

В одной из многочисленных тетрадей Генриха под рубрикой „Наблюдения холодного ума“ значилось несколько в разное время сделанных записей: „Новая проза отметет вещи с большой буквы, а заодно и ребяческое желание равнять искусство по

радио, пару и электронам, ибо человеку всё было известно о полете до изобретения летательных машин. Новой прозе не нужна будет и внешняя словесная фантастика. Она покажет фантастичность человека, сидящего у себя дома на стуле. С невиданной еще экономией изобразительных средств новая проза покажет и утвердит навсегда мистериальность самого ничтожного жизненного факта, такого, рядом с которым „Шинель“ покажется необычайной романтической трагедией. Путь к завоеванию вселенной человеком будет понят тогда как путь служения человека. Завоевание новых форм в искусстве будет достигнуто самоотверженным очищением и небывалым самоограничением. Всё, что действительно возможно изобрести в области художественной прозы, будет найдено художником в себе самом. Лишь тогда сумеют наконец изображать события современности так, словно они уже некогда происходили. А события прошедшие—так, словно им только предстоит еще произойти. Неизбежен решительный бой между вещью с большой буквы и вещами; при этом многие выйдут из строя, но искусство лишь выиграет. Новая проза несомненно предпочтет обходиться не только без сюжета, а даже без внешней занимательности. Как и все истинно новое, новая проза родится в тишине и начнет с того, что всячески оградит себя от тлетворного и постыдного успеха у большинства.

В некотором согласии с изложенным Флобер всю жизнь мечтал написать „Книгу ни о чем“, книгу, которая по возможности вовсе лишена была бы сюжета; по его мнению самые прекрасные произведения—те, в которых меньше всего материи, то есть те, в которых выражение настолько приближается к мысли, что слово исчезает. „Серафита“ Бальзака—все-таки слишком еще „о чем“ написана с точки зрения флюберовского требования. Но приближение к мысли—самое нужное, если понять это как должно“.

Отбросив от себя надоевшую тетрадь, он подумал: „Непременно скажут обо мне, что я тщетно силился дойти до каких-то необычайно тонких и глубоких открытий в искусстве, бесплодно искал какой-то микроскопической и философской бездонности и что написанное мною в конце концов положительно далеко от настоящего творчества. Так приблизительно сам о себе, о своем творчестве определенного периода высказался Леонтьев, не пожелав дожидаться, когда наконец о нем заговорят другие“.

Генрих вдруг затосковал по впечатлениям, по тому, что случается, что происходит в жизни само собой, а не выдумывается хотя бы и гениально в книгах. И не успел он затосковать по настоящему, ему подали порядочно затертую визитную карточку, на которой значилось: „Надежда Александровна Бабкина, предсказательница прошедшего“.

Это привело его в недоумение, но, догадавшись взглянуть на обратную сторону, он прочел несколько слов, написанных знакомым, не вполне разборчивым почерком: „Дорогой друг, приходите же. Я одна и мне порою слишком грустно. Последнее время не играю. Ужасно, ужасно соскучилась без вас. Приходите сегодня, сейчас. Если это нужно, назовите для себя визитом к актрисе“.

Он прочитал эти несколько слов с волнением, от которого щекочущее тепло переливалось в области предсердия, но, „схватив дрожащими руками шапку“, не побежал к ней тотчас же, как вынужден был бы поступить иной герой, играющий роль „материала“ для автора, занятого будничной психологией. Он вовсе не намерен был служить кому бы то ни было материалом или играть роль.

— Не играю, повторил он не без удовольствия. — Всё в театре неважно, условно, переменчиво, недолговечно; сутью же его всегда будет лишь любовь Ромео к Джульетте. На этой любви все основано в жизни, а следовательно должно быть основано и в театре, как удостоверил один бывший директор императорских театров.

Генрих принялся думать о ней, представлять ее себе, и он делал это с величайшей нежностью и старательностью, на которые был способен. Ведь она постоянно просила его сказать что-нибудь о ней, а для того, чтоб сказать, надо же сначала

подумать, представить себе. Ну, конечно она мила как никто, умна по-мужски и в меру оттого, что совершенно женственна, талантливая актриса, интересна лишь тогда, когда любит, и чем сильнее любима, тем интереснее.

Когда он вошел, Наина ждала его. Она жила на Арбате. Она ждала его, одетая тщательно, что было ей не всегда свойственно, с изяществом неизменным, словно сама Минангуа обдумывала вместе с ней малейшую деталь ее туалета. Да, она боялась таких слов, как Ананда и Дева Радужных Ворот; она еще боялась, но уже готова была почитать их. Зато к физику Томсону с его теорией вихревого строения вселенной она не испытывала решительно никакого интереса. Наина была мила как никогда и сильно надушена Уайт-розой, духами знаменитой фабрики Аткинсона. Наина ждала его. Это она умела.

Поэма „Первое свидание“ написана старым поэтом, снабдившим ее примечаниями. Есть и другая поэма „Разрыв“, написанная поэтом юным без примечаний. И кто же скажет, почему так получилось, что „Разрыв“ прекраснее, полновочнее, убедительнее, непонятнее и чище „Первого свидания“? „Разрыв“ любила и охотно произносила Наина.

„О ангел залгавшийся, сразу бы, сразу б—и я б опоил тебя чистой печалью!.. О скорбь зараженная ложью вначале, о горе, о горе в проказе!“ — не

ради декламации, а бескорыстно, просто из любви к литературе, которую она хорошо понимала, читая впрочем редко. Элегантным женщинам не пристало много заниматься чтением. Наина же бесспорно была необычайно элегантна. Это в ней очень нравилось Генриху, как и многим другим, и решительно соответствовало пушкинскому периоду истории государства Российского.

„Он старался осуществить на холсте свой идеал—женщину-ангела“.

*Лермонтов. Отрывок
из начатой повести.*

2. Д Ж И А Д Э

Джиадэ ездила в черной каретке с золотым гербом, запряженной четверкой белых породистых лошадей. Джиадэ была самым свободным в мире существом и рабыней, прислуживавшей в обители. Без нее живущие в обители утратили бы ощущаемую связь с остальным миром. Если ангелы сравнительно так редко оказывают видимую помощь людям, в ней нуждающимся, то это происходит по той простой причине, что ангелу по природе его еще труднее приблизиться к человеку, нежели человеку услышать ангельские голоса.

Джиадэ не была ангелом, вопреки уверениям влюбленного в нее Генриха, но она и не была женщиной в том смысле, какой этому слову придала французская литература. Была ли она „саламандрой“? Не думаю. Во всяком случае, читая блестящие романы Анатоля Франса, она от всей души забавлялась наивным, хотя и патентованным „галльским“

остроумием, с которым этот изысканнейший эпикуреец от литературы высказывает свои соображения по поводу так называемых саламандр.

Джиадэ, окруженная почтительной нежностью, служила всем живущим в обители, из которых каждый в свою очередь служил ей, и лишь однажды возжелала она быть рабыней одного, за что понесла суровое наказание, которое выпросила со слезами на прекрасных серых глазах. Оттого что даже ангелам дано плакать, хотя и не совсем так, как это свойственно человеку. Впрочем во время самого наказания, причинившего ей бесконечно много стыда и боли, она не плакала.

Джиадэ, несмотря на свою цветущую юность, успела приобрести совершенные познания во многих важных науках и искусствах, из которых наиболее трудная наука об искусстве нравиться всегда казалась ей далеко не самой бесполезной и маловажной.

Джиадэ близко знала людей, обладавших наукою почерпать идеи из самой Натуры, „в коей нет заблуждения“, а одна истина и свет; людей, полнота ведения которых давала им власть располагать по своему усмотрению духами, натурою и сердцем человеческим. Один лишь единственный раз она, находясь уже в обители, подпала соблазну использовать свои знания и распорядиться человеческим сердцем, не имея на то достаточного права. Но это было сердце не только человеческое, а и мужское.